

В. А. Мильчина, А. Л. Основат

ПУШКИН И «ЗАПИСКИ» ЕКАТЕРИНЫ II

(заметки к теме)

Для целей настоящих заметок нет необходимости детально характеризовать всю допечатную историю «Записок» Екатерины II. Сейчас нам важно напомнить лишь о том, что при жизни Пушкина текст французского оригинала, хранившийся в архиве Зимнего дворца, держался в секрете даже от членов царствующей фамилии, но между тем количество копий «Записок» (восходивших к той, что снял кн. А.Б.Куракин, воспользовавшись доверием Павла I) постепенно возрастало, о чем лучше всего свидетельствует наличие большого числа разночтений в сохранившихся рукописных экземплярах¹. И если вплоть до начала 1838 г. верховная власть не пыталась изъять ходившие в публике списки, то хотя бы отчасти это может быть объяснимо щепетильностью их владельцев: копирование (да и чтение) мемуаров императрицы происходило при соблюдении разумных мер предосторожности, и не случайно, например, упоминания о «Записках» Екатерины II столь редки в переписке первой трети XIX в., включая наиболее конфиденциальные ее разделы.

Кажется, только Пушкин нарушал эту конвенцию.

1

С текстом «Записок» он познакомился, вероятно, еще в Одессе (т.е. во второй половине 1823 — начале 1824 г.); собственной же копией (переписанной Д.Н.Гончаровым и Н.Н.Пушкиной, по-видимому, с одного из принадлежавших А.И.Тургеневу экземпляров) он обзавелся скорее всего в 1831-1832 гг.², когда естественное читательское любопытство тесно переплелось с его профессиональными потребностями историка XVIII века³. Примерно в это же время куратором архивных занятий Пушкина назначается Д.Н.Блудов (с февраля 1832 г. министр внутренних дел). Последний только что закончил порученный ему императором разбор накопившейся массы важнейших рукописных документов, рассредоточенных по разным хранилищам⁴: в ходе этих занятий обнаружился и оригинал мемуаров императрицы, который по распоряжению Николая I был теперь перемещен в архив Коллегии иностранных дел⁵. Контакты

Блудова и Пушкина как раз в 1832 г. приобретают достаточно доверительный характер (новый министр, в частности, исклопотал высочайшее разрешение на издание газеты «Дневник»), и кажется весьма вероятным, что их беседы отразились в следующем пассаже из рукописной редакции Предисловия к «Истории Пугачевского бунта»:

«Дело о Пугачеве находится в Сенат.<ском> Арх.<иве>. — Там хранятся драгоцен.<ные> историч.<еские> памятники. Ныне царств.<ующий> им.<ператор>, по своем восшествии на престол подавший великий пример откровенности, приказал привести их в порядок. — Важные бумаги, некогда государственные тайны, ныне превратившиеся в историч.<еские> материалы, были вынесены из подвалов Сената, где три наводнения посетили их и едва не уничтожили. — (Новейшая Росс.<ийская> ист.<ория> спасена Николаем I-м)» (IX/1. 398-399⁶; ср.: Там же. 400-401).

Утверждая здесь тождество буквального и метафорического смыслов слова *спасение*, Пушкин дает соединенную оценку и реальной акции — выносу «важных бумаг» из сырых подвалов, и ее желаемому (но вовсе не подразумевавшемуся в условиях николаевского режима) следствию — переводу ранее секретной и потому не обследованной документации в ранг исторического источника, доступного обзору, анализу и рефлексии. Из возвращаемых на поверхность материалов Пушкин называет лишь следственное дело о Пугачеве, хотя почти несомненно, что он мог бы составить целый перечень «блудовских» находок⁷, среди которых был и автограф «Записок» Екатерины II. Предисловие к «Истории Пугачевского бунта» датировано 6 ноября 1833 г., а уже менее чем через месяц, 4 декабря, в пушкинском дневнике появляется запись, под другим углом зрения оценивающая степень сохранности основных источников по «новейшей истории»: «Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алекс.<еевна> писала свои, но они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также. — Государь сжег их по ее приказанию. — Какая потеря!» (XII. 316).

В конце января 1834 г., вернув рукопись Предисловия и первых пяти глав «Истории Пугачевского бунта»⁸ со своими замечаниями (на взгляд автора, «очень дельными»: XII. 320), государь разрешил публикацию книги. Вскоре, на масляничном бале 25 февраля, Николай I имел с Пушкиным долгий и доброжелательный разговор (см.: Там же), по ходу которого тема спасенных /исчезнувших исторических памятников могла быть затронута не только в общем плане (хотя бы в связи с тем, что император вычеркнул из Предисловия фразу о *спасенной им истории*; см.: IX/1. 411⁹), но и по одному вполне частному поводу.

Как представляется, контекст данного разговора в наибольшей степени располагал Пушкина признаться в том, что он владеет копией «Записок» Екатерины II, а Николаю I — достаточно благосклонно воспринять и это сообщение, и даже некоторые соображения касательно этого памятника. Для нас, впрочем, важно установить не столько конкретную

дату¹⁰, сколько сам факт подобного объяснения, который безусловно относится к 1834 г., ибо уже 8 января 1835 г. в дневник Пушкина заносится строки: «В.<еликая> кн.<ягиня> взяла у меня *Записки Екатерины II* и сходит от них с ума» (XII. 336).

Если, как до сих пор принято, считать, что передача копии «Записок» великой княгине Елене Павловне (жене младшего брата императора) произошла без ведома Николая I, то роль Пушкина в этом эпизоде должна описываться по аналогии с прожженным контрабандистом, промышляющим фамильными тайнами правящей династии в непосредственном окружении императора. Однако такого рода акция, совершенно не укладывающаяся в рамки отношений Пушкина с Николаем I, выглядит тем более неправдоподобной в ситуации, когда только благодаря высочайшему цензору выходит в свет «История Пугачевского бунта» (в конце 1834 г.) и автору уже обещана аудиенция в Зимнем дворце, во время которой он намеревался преподнести государю первый экземпляр книги и рукописный экземпляр «Замечаний о бунте», а также испросить разрешение прочитать наконец следственное дело о Пугачеве (см. переписку с А.Х.Бенкендорфом и А.Н.Мордвиновым от декабря 1834 — января 1835 г.: XV. 201-202; XVI. 7).

Возвращаясь к пушкинской записи от 8 января 1835 г., обратим внимание, что ее грамматический строй оттеняет инициативу именно великой княгини (она *взяла у меня*, а не *я дал ей*). Таким образом, проясняется этикетная сторона дела: осведомленный о наличии у Пушкина собственной копии мемуаров императрицы, Николай I — в нарушение общего правила — разрешил своей невестке ознакомиться именно с этим текстом (любые манипуляции с оригиналом привели бы к ненужной огласке); обращаясь же к Пушкину, Елена Павловна, разумеется, сослалась на полученную высочайшую санкцию.

2

Предполагаемое объяснение с Николаем I по поводу «Записок» Екатерины II отразилось не только в рассмотренном эпизоде, но и в тексте, над которым Пушкин работал в конце 1834 г.

Прямую — и внешне не мотивированную — отсылку к этому секретному документу находим в «Замечаниях о бунте», адресованных лично государю (и доставленных ему в конце января 1835 г. через Бенкендорфа; см.: XVI. 7-8). Упоминание в «Истории Пугачевского бунта» о «сибирском коменданте, полковнике Чернышеве», повешенном в ноябре 1773 г. после того, как его отряд, шедший на выручку осажденному Оренбургу, был разбит мятежниками (глава III: IX/1. 29-31)¹¹, Пушкин сопроводил следующим — шестым, по общему счету, — замечанием:

«Чернышев (тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удален из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Ека-

терина, вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший умер в П.<етер>Б.<урге> комендантом крепости» (IX/1. 372; ср. черновую редакцию: IX/2. 475). Этот пассаж, далеко уводящий от собственно пугачевской темы, как и вообще от темы русского бунта¹², требует особого внимания.

Начнем с того, что история опалы трех братьев Чернышевых, до мая 1746 г. состоявших камер-лакеями великого князя Петра Федоровича, освещена в двух редакциях «Записок» Екатерины II — второй и четвертой (по нумерации, принятой в академическом издании Я.Л.Барскова и А.Н.Пыпина¹³). В четвертой редакции, наиболее пространной и чаще всего публиковавшейся, этот сюжет концентрируется вокруг фигуры Андрея (Гавриловича) Чернышева: любимец великого князя, он навлек на себя подозрения императрицы Елизаветы после того, как вошел в полную доверенность к Екатерине. В результате изгнанию подвергся и сам Андрей Чернышев, и два его младших кузена (Петр и Алексей Матвеевичи); последние, однако, присутствуют в тексте лишь в качестве фоновых персонажей, не имеющих даже собственных имен¹⁴. Вторая редакция «Записок» существенно осложняет подоплеку изгнания Чернышевых. Здесь уже Петр Матвеевич выставлен объектом ревности наследника престола, однако супружеский упрек Екатерина парирует крайне двусмысленной репликой: она удивлена, что «ужасная клевета» связывает ее имя с Петром, а не с «красавцем» Андреем Чернышевым, пристрастие к которому она разделяет вместе с великим князем¹⁵.

Самое любопытное, что пушкинская копия соответствует как раз четвертой редакции «Записок», где не сообщается имя Петра Матвеевича — *того самого* Чернышева, который впоследствии был назначен симбирским комендантом и в этом качестве упомянут в «Истории пугачевского бунта» и в «Замечаниях о бунте»¹⁶. Обнаружив этот факт, Р.Е.Теребенина с полным основанием усомнилась в том, что Пушкин вообще держал в руках вторую редакцию «Записок» Екатерины II, которая представлена лишь в одной из всех известных нам копий¹⁷.

Дело, однако, заключается в том, что сведения о Чернышевых, восходящие ко второй редакции «Записок», Пушкин почерпнул из промежуточного источника. Среди его бумаг сохранилась запись устного рассказа И.И.Дмитриева (предположительная дата — лето 1833 г.): «Полковник Чернышев был тот самый, о котором Екатерина II говорит в своих записках. Он и брат его были любимцы Петра III, который сделал одного полковником и дал ему полк, а второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала П.<етер>Б.<ургским> комендантом, а брата его полковником и комендантом Симбирским...» (IX/2. 497; неточности в описании службы братьев при Петре III не оговариваются — см. литературу, указанную в примеч. 16).

Тот самый — формула, уместная в устах именно Дмитриева, который читал наиболее полную копию «Записок» Екатерины II, включавшую в том числе вторую редакцию¹⁸ (в юности переживший в Симбирске пуга-

чевщину, он отлично помнил и о драматической участи коменданта города¹⁹). Перенесенная же в пушкинский текст, эта формула приобрела новые смысловые грани.

3

Основанное на рассказе Дмитриева, шестое замечание вводит в рукопись тему екатерининского фаворитизма, которая далее развивается не только в тринадцатом и четырнадцатом замечаниях (см.: *IX/1. 373-374*; ср. особенно не вошедший в основной текст «Замечаний» «анекдот о разубл.<енной> щек» А.Г.Орлова: *Там же. 479-480*), также базирующихся на свидетельствах пушкинских современников²⁰, но и в восьмом замечании, где (как и в «Истории Пугачевского бунта») поведение А.И.Бибикова изображено по контрасту с нравами этого института (см.: *Там же. 372-373*).

Вместе с тем шестое замечание может быть осмыслено в более широком контексте, которому принадлежит и состоявшаяся в том же декабре 1834 г. беседа Пушкина с великим князем Михаилом Павловичем о «старинном дворянстве» (см.: *XII. 334-335*). Производя идентификацию «того самого Чернышева» (Петра) и его брата (Андрея), автор как бы отделяет их от *других* Чернышевых и напоминает о сохраняющейся с екатерининских времен оппозиции двух ветвей этого рода — «низкой» и «высокой».

В имплицитной форме эта оппозиция присутствует уже в «Истории Пугачевского бунта»: на той странице, к которой дана ссылка в шестом примечании (см.: *IX/1. 29*), в тесном соседстве фигурируют имена несчастного симбирского коменданта Чернышева и «графа З.Г. Чернышева». Потомственный граф и военачальник (второй сын генерал-аншефа Григория Петровича Чернышева, начинавшего, впрочем, с денщика Петра I), в период Семилетней войны сделавшийся персонажем песенного фольклора²¹, Захар Григорьевич (1722-1784) также ходил в фаворитах Екатерины, в эпоху пугачевщины был генерал-фельдмаршалом и президентом Военной коллегии, а позднее стал московским генерал-губернатором. Под конец жизни, исходатайствовав высочайшее дозволение, Чернышев основал первый в России фамильный майорат, унаследованный его племянником, «одним из самых любезных людей в свете»²², обер-шенком графом Григорием Ивановичем (1762-1831). С семьей последнего Пушкин состоял в дальнем родстве; детям обер-шенка — сыну, графу Захару Григорьевичу (1797-1862), участнику декабристского заговора, и шести дочерям — он приходился четвероюродным братом.

«Низкая» ветвь Чернышевых в пушкинское время была представлена прежде всего фигурой Александра Ивановича (1786-1857)²³, взысканного милостями двух императоров. Сделав военно-придворную карьеру при Александре I (генерал-лейтенант и одновременно генерал-адъютант), он еще более возвысился в царствование Николая I: в 1832-1852 гг. —

военный министр (управлял министерством с 1827 г.), с 1826 г. — граф, с 1841 г. — князь, с 1849 г. — *светлейший* князь. От прочих сановных особ А.И.Чернышева отличала на редкость одиозная репутация; достаточно сказать, что в отчете III Отделения за 1829 г. военный министр аттестовался как «предмет ненависти публики, всех классов без исключения»²⁴. Скандальной известность приобрели отношения Александра Ивановича с наследниками графа З.Г.Чернышева. Его претензии на аристократическое родство были демонстративно отвергнуты еще в ходе следствия над декабристами («Как, кузен, и вы состоите в числе виновников»? — спросил он Захара Григорьевича. На что последовала реплика: «Быть может, я и виновен, но я вам не кузен»²⁵), а в 1828 г., когда Александр Иванович попытался завладеть чернышевским майоратом (на который осужденный Захар Григорьевич утратил свои наследственные права), этот иск не получил поддержки ни в Кабинете министров, ни у самого императора. В начале 1832 г., спустя год после смерти Г.И.Чернышева, вакантный майорат был присужден мужу его старшей дочери Софьи Григорьевны — И.Г.Кругликову, который по такому случаю получил титул графа Чернышева-Кругликова.

Отношение Пушкина к А.И.Чернышеву (с которым в 1833 г. он вступил в официальную переписку по поводу выдачи материалов из архива Военного министерства; см.: *XV. 47, 51, 54*) отражают строки из дневниковой записи от 2 апреля 1834 г.: «Закон говорит именно, что раз забаллотированный <в Английский клуб, — *В.М., А.О.*> человек не имеет уже никогда права быть избираемым. Но были исключения: гр. Чернышев (воен.<ый> министр) и Гладков (об.<ер->полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты» (*XII. 323*). Упоминание об инциденте, к тому времени потерявшем всякую актуальность (принудительное избрание А.И.Чернышева в Английский клуб относится к 1831 г., а через год он выбыл из состава его членов²⁶), свидетельствует об устойчивости той негативной характеристики военного министра, которую Пушкин опирал в том числе и на показания *других* Чернышевых.

В конце декабря 1834 г., т.е. в период работы над «Замечаниями о бунте», чета Пушкиных навестила графиню Веру Григорьевну Пален — замужнюю сестру Надежды Григорьевны Чернышевой, за которую в 1833 г. неудачно сватался Д.Н.Гончаров (см.: *XV. 74*). Беседа, в ходе которой Н.Н.Пушкина рассчитывала (не питая, впрочем, иллюзий) возобновить тему сватовства своего брата²⁷, по естественной ассоциации вполне могла коснуться недавней женитьбы Захара Григорьевича Чернышева (уже получившего первый офицерский чин) на Е.А.Тепловой, а также обстоятельства, сообщившего самому венчанию отчасти символическое значение: оно происходило в том самом родовом имении Ярополец²⁸, на которое безуспешно претендовал военный министр.

По-видимому, именно из круга Чернышевых-аристократов (потомков денщика Петра I) ведет свое распространение легенда о происхождении

Александра Ивановича от одного из камер-лакеев Екатерины²⁹, и, как представляется, проецируя в шестом замечании фигуру екатерининского фаворита на фигуру нынешнего военного министра, Пушкин предполагал знакомство своего единственного читателя с этой легендой.

Такая гипотеза могла бы показаться надуманной, если бы мы не располагали очень надежным свидетельством, хотя и относящимся к более позднему времени. 25 июня 1845 г. А.И.Тургенев писал брату, Н.И.Тургеневу, из Карлсбада: «Вчера гулял я долго с Пален.<ом> и Кисел.<евым>. Разговаривали о записках Екатер.<ины> и смерти Павла. Государь все читал и говаривал с Кисел.<евым>. Он знает, что Чернышев истопник был ее любовником: кажется, это отец князя, который, как уверяет Пален, жен.<атый> на Черныш.<евои>, взял герб их, когда его сделали графом; хотел и все взять, да не дали»³⁰.

Рассмотрим это сообщение, идя от его конца к началу. Граф Федор Петрович Пален (1780-1863), в эту пору член Государственного совета (в прошлом дипломат, служивший в обеих Америках и Европе), был мужем графини Веры Григорьевны — сестры Надежды и Захара Чернышевых, — бывшей собеседницей Пушкиных в исходе 1834 г. Он доподлинно знал, какие средства пускал в ход Александр Иванович для того, чтобы «взять» герб *подлинных* графов Чернышевых³¹ и «все» остальное — т.е. фамильный майорат. От Палена, очевидно, идет презрительно-ироничное именование военного министра — *князем* (титул, напомним, полученный им в 1841 г.), и он, конечно, охотно поддерживал версию о кровном родстве военного министра с Чернышевым-«истопником».

Нас не должно удивлять то, что камер-лакей Екатерины назван здесь таким образом: обыгрывая старинное значений термина *истопничий* — «придворный чин комнатного надзирателя»³², собеседники несомненно учитывали как пейоративный оттенок русской лексемы, еще более понижавший и без того скромный ранг данного лица, так и особый ореол, сложившийся в екатерининскую эпоху вокруг самой этой должности (ср. у Радищева описание стремительной карьеры с явным намеком на попадание *в случай*: «Начал службу свою при дворе истопником; произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворная служба, мне неизвестно»³³).

В нашем случае «истопник» — это, конечно, Андрей Гаврилович Чернышев, старший и самый красивый из трех братьев; в отличие от кузена Петра Матвеевича, чья жизнь в екатерининскую эпоху прошла в провинциальных гарнизонах (да и пресеклась за несколько лет до рождения будущего военного министра), он долгие годы (1773-1796) служил санкт-петербургским обер-комендантом и был, что называется, на виду. Информацию же о том, что у Екатерины была связь с Андреем Чернышевым (не *тем самым*, но из *тех самых*), Николай I действительно мог извлечь только из «Записок» императрицы: все доступные государю французские источники³⁴ ее любовниками до переворота 1762 г. называют двух аристократов — графа Салтыкова и князя Понятовского, а немного-

численные указания (у Рюльера и герцогини д'Абрантес) на интерес великой княгини к персонам низкого звания лишены какой-либо конкретности³⁵. (Ср. также свидетельство А.О.Смирновой-Россет, которая, впрочем, примешивает к читательским впечатлениям измышленные подробности: «Чернышев нам достался после кончины государыни Екатерины; этот самый Чернышев у нее был истопником. Если вам случится когда-нибудь прочесть неизданные мемуары Като <Екатерины II>, вы увидите, что он был ее любовником, и настолько, что неизвестно, — он или Салтыков был отцом несчастного Павла. Есть всего 8 рукописей этих мемуаров, я читала рукопись Александра Тургенева»³⁶.)

Беседу о секретных мемуарах императрицы Николай I вел с министром государственных имуществ графом Павлом Дмитриевичем Киселевым (1788-1872), к которому испытывал не только приязнь и уважение, но также глубокое доверие. И саму эту беседу (разумеется, отнюдь не сводившуюся к обсуждению любовников ненавистной императору бабки) можно интерпретировать как отдаленный рефлекс темы, подсказанной Пушкиным в шестом замечании, а намеченной едва ли не в том его разговоре с Николаем I, который мы условно относим к зиме 1834 г. Дело идет о переходящем из поколения в поколение противостоянии двух ветвей одного рода — настоящих и *тех самых* Чернышевых, двух типов русского дворянства — наследников фамильной чести и не помнящих родства выскочек.

- 1 Подробнее см.: *Теребенина Р.Е.* Копия «Записок» Екатерины II из архива Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С.8-22; *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991. С.212-214, 217-218; *Эйдельман Н.Я.* Восемнадцатое столетие в изданиях Вольной русской типографии. — Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии. <...> Справочный том. <...> М., 1992. С.167-194 (в основе этого раздела лежит статья: Мемуары Екатерины II — одна из раскрытых тайн самодержавия. — *Вопр. ист.*, 1968. №1. С.149-160; под слегка укороченным заглавием включена в посмертный сборник автора: *Эйдельман Н.Я.* Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М., 1993. С.154-180).
- 2 См.: *Теребенина Р.Е.* Указ. соч. С.11-13, 19.
- 3 Об этой сфере его интересов см., напр.: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Пушкин и книга Вяземского о Фонвизине. — Новонайденный автограф Пушкина. <...> М.; Л., 1968. С.58-119.
- 4 См.: *Русский биографический словарь.* СПб., 1908. Т. Бетанкур — Бякстер. С.96; *Фейнберг И.* Незавершенные работы Пушкина. Изд.6-е. М., 1976. С.107-113.
- 5 См.: *Эйдельман Н.Я.* Восемнадцатое столетие в изданиях Вольной русской типографии. С.178.
- 6 Здесь и далее все ссылки даются по Большому академическому собранию сочинений (М.; Л., 1937-1949. Т.I-XVI); римская цифра обозначает том, арабская — страницу.
- 7 Подобным перечнем мы не располагаем и до сих пор. Из материалов по

- екатерининскому веку, обнаруженных Блудовым, укажем хотя бы на собственноручно составленный императрицей проект закона о том, чтобы дети крепостных, рожденные после 1785 г., считались свободными (см.: Рус. архив. 1865. Изд. 2-е. Стлб.643; примеч. П.И.Бартенева), и на «подлинные современные бумаги», документирующие биографию княжны Таракановой — от ее поимки гр. А.Ф.Орловым и до смерти в Алексеевском равелине (см.: *Лонгинов М.* Заметка о княжне Таракановой. — Там же. Стлб.651-656).
- 8 См.: *Петрунина Н.Н.* Вокруг «Истории Пугачева». — Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1969. Т.VI. С.236.
- 9 По этой причине, а также ввиду того, что Пушкин хотел избежать неточности в наименовании архивохранилищ (см.: *Зенгер Т.* Николай I — редактор Пушкина. — Лит. наследство. М., 1934. Т.16/18. С.513), в окончательном тексте второй абзац Предисловия подвергся сокращению (ср.: *IX/1. З*).
- 10 В 1834 г. Пушкин встречался с государем еще несколько раз — 4 марта, 23 апреля и 16 декабря (см.: *XII. 320, 327-328, 334*). Еще одна беседа состоялась 17 января, на балу у графа А.А.Бобринского (см.: *XII. 319*), но очень сомнительно, чтобы Пушкин завел с императором речь о «Записках» Екатерины II до его одобрения «Истории Пугачевского бунта».
- 11 Об этом реальном эпизоде см.: *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т.2. С.105-110.
- 12 Об общей установке на независимость текста «Замечаний от «Истории Пугачевского бунта» см.: *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия <...> Изд. 2-е. М., 1984. С.194. — Отметим попутно наше расхождение с автором книги в общей характеристике шестого замечания: мы полагаем, что здесь имеет место не «приглашение царя к разговору» о секретной истории XVIII в. (см.: Там же. С.198-199), но продолжение уже начатого разговора.
- 13 См.: *Барсков Я.* Предисловие. — Соч. императрицы Екатерины II <...> /С объяснит. примеч. акад. А.Н.Пыпина. СПб., 1907. Т.12. С.I-XIII.
- 14 См.: Там же. С.237-240 (оригинал); Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии. Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С.44-47 (перевод).
- 15 См.: Соч. императрицы Екатерины II. Т.12. С.86-87 (оригинал).
- 16 Сводки данных об А.Г. и П.М.Чернышевых см.: *Оболенский М.* Исторические замечания. — Рус. архив. 1865. Изд. 2-е. Стлб.991-996; *Лонгинов М.* Заметка о Чернышевых. — Там же. Стлб.1004-1009; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Чаадаев — Швитков. С.307-308; 330-331.
- 17 См.: *Теребенина Р.Е.* Указ. соч. С.20.
- 18 В мае 1822 г., обещая угостить Дмитриева «Записками» Екатерины II, Карамзин уведомлял его, что А.Тургенев хранит копию, сделанную непосредственно с «экземпляра куракинского» (Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С.327, 329) — т.е. самого раннего и полного списка этого памятника.
- 19 См. в его мемуарах «Взгляд на мою жизнь» (*Дмитриев И.И.* Соч. СПб., 1893. Т.II. С.10).
- 20 Источник тринадцатого замечания — рассказ кн. А.Н.Голицына, который мог быть известен Пушкину в передаче П.А.Вяземского или А.И.Тургенева (ср.: *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. С.204-205); источник «анекдота о разубл. <енной> щеке» — рассказ П.В.Долгорукова (см.: *Овчинников Р.В.* Запи-

- си Пушкина о Шванвичах. — Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1991. Т. XIV. С. 240-245).
- 21 Песня «Чернышев в плену» (см.: Русская историческая песня. Л., 1987. С. 245-247, 492-493) сохраняла популярность и в пушкинскую эпоху (см.: *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 9).
- 22 *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. I. Дневник студента. Л., 1989. С. 102.
- 23 Он был сыном генерал-поручика и сенатора Ивана Львовича Чернышева (1736-1793), биографическую сводку о котором открывает примечательная констатация: «о его происхождении и родственных связях существуют самые противоречивые сведения, но определенного ничего нет» (Русский биографический словарь. Т. Чаадаев — Швитков. С. 325). См. также примеч. 29.
- 24 Красный архив. 1930. Т. 1(38). С. 129 (публикация А. Сергеева).
- 25 *Дружинин Н.М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение. — *Дружинин Н.М.* Избр. труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 347.
- 26 См.: Дневник А.С. Пушкина. 1833-1835 /Под ред. с объяснит. примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Пг. 1923. С. 124.
- 27 См. письмо Н.Н. Пушкиной Д.Н. Гончарову от конца декабря 1834 г. (*Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и ее сестер, Е.Н. и А.Н. Гончаровых. М., 1975. С. 165).
- 28 См.: *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 351.
- 29 Если не принимать во внимание темные слухи, смущающие биографов И.Л. Чернышева (см. примеч. 23), то А.И. Чернышева надо считать внуком Льва Степановича, который являлся пятиродным братом Андрея Гавриловича Чернышева (см.: *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 2. С. 55).
- 30 РО ИРЛИ. Ф. 309. № 950. Л. 313 об.
- 31 Описание этого герба см.: *Петров П.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 55.
- 32 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 58 (с пометой — *стар.*).
- 33 *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Спб., 1992. С. 38. Аналогичный намек можно усмотреть и в том фрагменте из «Капитанской дочки», где появляется Анна Власевна — «племянница придворного истопника», посвятившая Машу Миронову «во все таинства придворной жизни» (VIII/1. 371).
- 34 Обзор этих работ см.: *Сомов В.А.* Французская «Россия» эпохи Просвещения и русский читатель. — Французская книга в России: Очерки истории. Л., 1986. С. 173-245.
- 35 См.: *Rulière C.C. de.* Histoire, ou Anecdotes sur la Russie en l'année 1762. P., 1797. P. 11-12; *Abrantès, duchesse de.* Catherine II. P., 1834. P. 34
- 36 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 436.

НОВЫЕ БЕЗДЕЛКИ

Сборник статей к 60-летию

В.Э. Вацуро

Москва

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1995 — 1996